Я отдыхал в однодневном доме отдыха. Уже больше полсрока. Иду под вечер по лесу, деревья рассматриваю, небо и вдруг вижу: как в сказке, появляется на нем стая лебедей. Тут звучит выстрел, и один из лебедей падает вниз. Прямо к моим ногам. Поднял я беднягу. Смотрю — живой. Только крыло дробью повреждено. Привез я лебедя домой. Смазал крыло йодом, а когда рана зажила, посадил я птицу в корыто с водой. Жена тут же окрестила корыто «Лебединым озером», а лебедя — Петькой.

Живем мы с ним в обоюдное удовольствие, мирно, спокойно, вернее, жили до тех пор, пока слух о лебеде не распространился по округе. Зачастили к нам друзья и совсем незнакомые люди. Одним из первых пришел сосед со второго этажа.

— Стыдно, товарищи! — не поздоровавшись, начал он.— Никуда это не годится держать лебедей в корыте!

— Может, тогда пересадить Петьку в ванну? — предложила жена.

— Да, можно в ванну,— нехотя согласился сосед.— Но только в естественную. В заводь. В пруд. Лучше всего в озеро. Неужели вы забыли, кому принадлежит у нас флора и фауна? Природу охранять надо, а не растаскивать по квартирам! Сегодня вы забрали к себе лебедя, завтра вам захочется иметь страуса, послезавтра белого медведя, а через неделю, того и гляди, потребуете зубра из Беловежской пущи! Я понимаю, растут потребности. Но надо во всем знать меру. Лично я уважаю слонов. Солидные животные. Представительные. Я был там, где их много. Но не привез домой даже слоненка. А вы завели себе персонального лебедя! Стыдно, товарищи, и антиобщественно!

— Что же теперь делать? — всплеснула руками жена.

— Пока ничего,— сказал я.— Не будем спешить. Обсудим ситуацию. Спокойно. Без нервов. Пригласим Эдуарда Тимофеевича. Умный человек. Поэт. Послушаем, что он посоветует.

Я позвонил Эдуарду Тимофеевичу, и он обещал прийти. Скоро раздался стук в дверь, но это был не поэт, а седой благообразный мужчина с папкой в руках.

— Я из общества друзей природы,— отрекомендовался мужчина и подошел к лебедю. А Петька, увидев его, вздрогнул и забился в угол корыта.

— Охотника почувствовал, — улыбнулся мужчина.— Не бойся, дурашка. Я твой друг. Я тебя не трону. Я охочусь на уток, на рябчиков, на тетеревов. Они — другое дело. Могут бояться. Такими пугливыми стали, что за версту чуют и не идут на манки. Я однажды пригласил на охоту звукоподражателя. Из Москонцерта. Артист высшей категории. Объездил полмира. Капиталисты на него валили валом, а утки не реагируют. Скучная стала охота. Лежишь в засаде, бока немеют, а дичи нет.

Варлен СТРОНГИН

ЛЕБЕДИНАЯ ИСТОРИЯ

Рассказ

Иногда пролетит стая лебедей, прицелишься, все-таки мишень, поиграешь ружьишком, и на душе полегчает. Надо понимать охотника. Тем более друга природы. Поэтому прошу вас, дорогие товарищи, верните лебедя природе, а мы о нем позаботимся, как верные и добрые друзья!

Вечером пришел поэт, быстро сложил зонтик, откинул назад непослушную прядь волос и прямо к лебедю.

— Что ты натворил с птицей! — схватился он за голову.

— Ничего.

— Как ничего? Это же птица! Она должна мигрировать! Сейчас осень. Ей в теплые края надо!

— И мне тоже,— говорю я.— У меня тоже потребность в миграции. Зимой меня тянет в Бакуриани, весной — в Крым, летом — в Прибалтику, осенью — на Кавказ.

— Ну и лети! — говорит поэт.

— Не могу,— говорю я.— Уже отпуск отгулял. А за свой счет не дадут.

— Не можешь — не мигрируй,— говорит поэт.— А птицу отпусти на волю! Ей просторы нужны, дали дальние! От лебединых стай жизнь на земле краше! И заранее тебе спасибо от меня, от моих читателей, от всех честных людей на планете!

Задумался я. Серьезный человек говорит. Поэт. Признанный. Может быть, живой классик. Как тут не прислушаться. И решил я отпустить Петьку.

Утром жена в последний раз покормила его, украдкой роняя слезы в корыто. Чувствую — и у меня комок подкатывает к горлу. Но я взял себя в руки и поднес Петьку к открытой форточке.

То ли от неожиданности, то ли от того, что давно не летал, Петька стал камнем падать вниз и лишь у самой земли раскрыл крылья и, медленно набирая высоту, поплыл в сторону химзавода.

Весь день мы нервничали. Ночь почти не спали. Утром посмотрел я на окно и обомлел — на карнизе сидел Петька. Испуганный. Почерневший от сажи. Со следами мазута на лапках. Он глядел на меня грустными, усталыми глазами, как бы просясь обратно. Прилетел он и на следующий день, исхудавший, замызганный. Пожалел я лебедя, открыл окно, и довольный Петька чинно плюхнулся на стул.

— Какое счастье! — обрадовалась жена.— Надо рассказать об этом соседям.

— Тсс! — прошептал я.— Никому ни слова! Может, мы поступаем неправильно? Может, губим жизнь лебединую?

Совесть мучила меня, и я пригласил домой известного орнитолога. Он осмотрел Петьку, квартиру и сказал:

— Птица здорова. В квартире имеются все удобства.

— Нет мусоропровода,— заметила жена.

— Это не играет особой роли,— улыбнулся орнитолог.— Питается птица нормально?

— Нормально! — сказал я.

— Тогда все ясно,— снял очки орнитолог.— У нас в районе большая загазованность, страшная загрязненность, а здесь чистота, питание, уход.

— Но ведь должны были сыграть роль животные инстинкты! — возразил я.

— Они и сыграли,— вздохнул орнитолог.— И самый сильный из них — инстинкт самосохранения! Счастливо оставаться!

